

ГИ

«Страх – это нечто чудовищное, это какой-то распад души, какая-то дикая судорога мысли и сердца, одно воспоминание о которой внушает тоскливый трепет».

Ги де Мопассан

ДЕ МОПАССАН

СТРАХ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Ги де Мопассан

Страх

«Издательство АСТ»

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

де Мопассан Г.

Страх / Г. де Мопассан — «Издательство АСТ»,
— (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-122227-7

Я шел, спускаясь в темные коридоры и потом опять поднимаясь наверх. Я был один; я кричал, мне не отвечали; я был один в этом обширном, запутанном, как лабиринт, доме» – цитата, известная всем знатокам и ценителям книги Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Однако имя автора этой цитаты может вызвать немалое удивление даже у весьма искушенного читателя: Ги де Мопассан! Имя этого классика мировой литературы прочно ассоциируется с блестящими произведениями, посвященными в основном отношениям между мужчиной и женщиной, – произведениями смешными и серьезными, преисполненными неизменно отличавшим прозу Мопассана безупречным знанием человеческой природы. Однако сейчас мало кому известно, что талант Мопассана имел и иную грань. Помимо реалистической прозы, он был автором замечательных рассказов в жанре мистики и ужасов – рассказов, не уступающих глубиной психологизма даже лучшим из работ Эдгара По. Рассказов, посвященных самым темным лабиринтам человеческого сознания («На реке», «Кто знает?»), неожиданным встречам со сверхъестественным («Видение», «Страх») и изощренным патологиям психики («Орля»).

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-122227-7

© де Мопассан Г.
© Издательство АСТ

Содержание

Пышка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ги де Мопассан

Страх

© Перевод. Е.А. Гунст, наследники, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пышка

Несколько дней подряд через город проходили остатки разбитой армии. Это было не войско, а беспорядочные орды. У солдат отросли длинные неопрятные бороды, мундиры их были изорваны; двигались они вялым шагом, без знамен, вразброд. Все они были явно подавлены, измучены, не способны ни мыслить, ни действовать и шагали только по инерции, падая от усталости при первой же остановке. Особенно много было ополченцев – мирных людей, безобидных рантье, изнемогавших под тяжестью винтовки, и мобилей, в равной мере доступных страху и воодушевлению, готовых и к атаке и к бегству; кое-где среди них мелькали красные шаровары – остатки дивизии, искрошенной в большом сражении; в ряду с пехотинцами различных полков попадались и мрачные артиллеристы, а изредка мелькала блестящая каска драгуна, который с трудом поспевал тяжелой поступью за более легким шагом пехоты.

Проходили и дружины вольных стрелков, носившие героические наименования: «Мстители за поражение», «Причастники смерти», «Граждане могилы», но вид у них был самый разбойничий.

Их начальники, еще недавно торговавшие сукнами или зерном, бывшие продавцы сала или мыла, случайные воины, произведенные в офицеры за деньги или за длинные усы, облаченные в мундиры с галунами и увешанные оружием, шумно разглагольствовали, обсуждали планы кампании, самодовольно утверждая, что их плечи – единственная опора гибнущей Франции, а между тем они нередко опасались своих же собственных солдат, подчас не в меру храбрых, – висельников, грабителей и распутников.

Поговаривали, что пруссаки вот-вот вступят в Руан.

Национальная гвардия, которая последние два месяца производила весьма робкую разведку в соседних лесах, – причем иногда подстреливала своих собственных часовых и начинала готовиться к бою, стоило только какому-нибудь зайчонку завестись в кустах, – теперь вернулась к домашним очагам. Ее оружие, мундиры, все смертоносное снаряжение, которым она еще недавно пугала верстовые столбы больших дорог на три лье в округе, внезапно куда-то исчезло.

Последние французские солдаты переправились наконец через Сену, следуя в Пон-Одемер через Сен-Север и Бур-Ашар; а позади всех, пешком, плелся генерал с двумя адъютантами; он совершенно пал духом, не знал, что предпринять с такими разрозненными кучками людей, и сам был ошеломлен великим поражением народа, привыкшего побеждать и безнадежно разбитого, несмотря на свою легендарную храбрость.

Затем над городом нависла глубокая тишина, безмолвное, жуткое ожидание. Многие буржуа, разжиревшие и утратившие всякую мужественность у себя за прилавком, с тревогой ждали победителей, боясь, как бы не сочли за оружие их вертела для жаркого и большие кухонные ножи.

Жизнь, казалось, замерла; лавочки закрылись, улицы стали безмолвны. Изредка вдоль стен торопливо пробирался прохожий, напуганный этой зловещей тишиной.

Ожидание было томительно, хотелось, чтобы неприятель появился уж поскорее.

На другой день после ухода французских войск, к вечеру, по городу промчалось несколько уланов, прискакавших неведомо откуда. А немного позже по склону Сент-Катрин скатилась черная лавина; два других потока хлынули со стороны дарнетальской и буагийомской дорог. Авангарды трех корпусов одновременно появились на площади у ратуши, и по всем соседним улицам целыми батальонами стала прибывать немецкая армия; мостовая гудела от размеренной солдатской поступи.

Слова команды, выкрикиваемые непривычными гортанными голосами, разносились вдоль домов, которые казались вымершими и покинутыми, а между тем из-за прикрытых

ставней чьи-то глаза украдкой разглядывали победителей, людей, ставших «по праву войны» хозяевами города, имущества и жизнью. Обыватели, сидевшие в полутемных комнатах, были охвачены тем ужасом, какой вызывают стихийные бедствия, великие и разрушительные геологические перевороты, перед лицом которых бессильны вся мудрость и мощь человека. Это чувство одинаково возникает всякий раз, когда ниспровергается установленный порядок, когда утрачивается сознание безопасности, когда все, что охранялось человеческими законами или законами природы, оказывается во власти бессмысленной, яростной силы. Землетрясение, погребавшее горожан под развалинами зданий, разлив реки, влекущей утонувших крестьян вместе с трупами волов и сорванными стропилами крыш, или победоносная армия, которая истребляет всех, кто защищается, уводит остальных в плен, грабит во имя меча и под грохот пушек возносит благодарение какому-то божеству, – все это страшные бичи, подрывающие веру в извечную справедливость и во внушаемое нам с детства упование на благодать небес и разум человека.

Но в каждую дверь уже стучались, а потом входили в дома небольшие отряды. За нашествием следовала оккупация. У побежденных оказывалась новая обязанность: проявлять любезность к победителям.

Прошло некоторое время, утих первый порыв страха, и снова воцарилось спокойствие. Во многих семьях прусский офицер ел за общим столом. Иной раз это был благовоспитанный человек; он из вежливости жалел Францию, говорил, что ему тяжело участвовать в этой войне. Немцу были признательны за такие чувства; к тому же в любой день могло понадобиться его покровительство. Угождая ему, пожалуй, можно избавиться от постоя нескольких лишних солдат. Да и к чему задевать человека, от которого всецело зависишь? Ведь это было бы скорее безрассудство, чем храбрость. А руанские буржуа уже давно не страдают безрассудством, как в былые времена героических оборон, прославивших этот город. И наконец, каждый приводил неоспоримый довод, подсказанный французской учтивостью: у себя дома вполне допустимо быть вежливым с иноземным солдатом, лишь бы на людях не выказывать близости с ним. На улице его не узнавали, зато дома охотно беседовали с ним, и немец день ото дня все дольше засиживался по вечерам, греясь у семейного камелька.

Город мало-помалу принимал обычный вид. Французы еще избегали выходить из дому, зато улицы кишели прусскими солдатами. Впрочем, офицеры голубых гусар, заносчиво волочившие по тротуарам свои длинные орудия смерти, по-видимому, презирали простых горожан не многим больше, чем офицеры французских егерей, кутившие в тех же кофейнях год назад.

И все же в воздухе чувствовалось нечто неуловимое и непривычное, тяжелая, чуждая атмосфера, словно разлитой повсюду запах, – запах нашествия. Он заполнял жилища и общественные места, сообщал особый привкус кушаньям, порождал такое ощущение, будто путешествуешь по далекой-далекой стране, среди кроважанных диких племен.

Победители требовали денег, много денег. Обывателям приходилось платить без конца; впрочем, они были богаты. Но чем состоятельнее нормандский коммерсант, тем сильнее страдает он от малейшего ущерба, от сознания, что малейшая крупница его достояния переходит в чужие руки.

А между тем за городом, в двух-трех лье вниз по течению, возле Круассе, Дьепдаля или Бьессара, лодочники и рыбаки не раз вылавливали с речного дна вздувшиеся трупы немцев в мундирах, то убитых ударом кулака, то зарезанных, то с проломленной камнем головой, то просто сброшенных в воду с моста. Речной ил окутывал саваном эти жертвы тайной, дикой и законной мести, безвестного героизма, бесшумных нападений, более опасных, чем сражения средь бела дня, и лишенных ореола славы.

Ибо ненависть к чужеземцу искони вооружает горсть Бесстрашных, готовых умереть за идею.

Но так как завоеватели, хотя и подчинившие город своей непреклонной дисциплине, все же не совершили ни одной из тех чудовищных жестокостей, которые молва неизменно приписывала им во время их победоносного шествия, жители в конце концов осмелели, и потребность торговых сделок снова оживила в сердцах местных коммерсантов. Некоторые из них были связаны крупными денежными интересами с Гавром, занятым французской армией, и вздумали сделать попытку пробраться в этот порт, – доехать сушею до Дьепа, а там сесть на пароход.

Было использовано влияние знакомых немецких офицеров, и комендант города дал разрешение на выезд.

Для этого путешествия, на которое записалось десять человек, был нанят большой дилижанс с четверкой лошадей, и решено было выехать во вторник утром, до рассвета, чтобы избежать всякого рода сборищ.

За последние дни мороз уже сковал землю, а в понедельник около трех часов с севера надвинулись большие черные тучи; они принесли с собой снег, который шел непрерывно весь вечер и всю ночь.

Утром в половине пятого путешественники собрались во дворе «Нормандской гостиницы», где должны были сесть в карету.

Они еще не совсем проснулись и кутались в пледы, дрожа от холода. В темноте они еле различали друг друга, а тяжелые зимние одежды делали их всех похожими на тучных кюре в длинных сутанах. Но вот двое мужчин узнали один другого, к ним подошел третий, и они разговорились.

– Я увожу с собой жену, – сказал один из них.

– Я тоже.

– И я тоже.

Первый добавил:

– В Руан мы уже не вернемся, а если пруссаки подойдут к Гавру, переедем в Англию.

У всех были одинаковые намерения, так как это были люди одного склада.

Карету между тем все не закладывали. Фонарик конюха время от времени показывался из одной темной двери и немедленно исчезал в другой. Из глубины конюшни доносились лошадиный топот, приглушенный навозом и соломенной подстилкой, и мужской голос, понукавший и бранивший лошадей. По легкому позвякиванию бубенчиков можно было догадаться, что прилаживают сбрую; позвякивание вскоре перешло в отчетливый, непрерывный звон, вторивший размеренным движениям лошади; иногда он замирал, затем возобновлялся после резкого рывка, сопровождавшегося глухим стуком подкованного копыта о землю.

Внезапно дверь затворилась. Все стихло. Промерзшие путники умолкли; они стояли не двигаясь, оцепенев от холода.

Сплошная завеса белых хлопьев непрерывно искрилась, опускаясь на землю; она стусывала все очертания, опушила все предметы льдистым мхом; в великом безмолвии затихшего города, погребенного под покровом зимы, слышался лишь неясный, неизъяснимый, зыбкий шелест падающего снега – скорее намек на звук, чем самый звук, легкий шорох белых атомов, которые, казалось, заполняли все пространство, окутывали весь мир.

Человек с фонарем снова появился, таща на поводу понурую, нехотя переступавшую лошадь. Он поставил ее возле дышла, привязал постромки и долго суетился возле нее, укрепляя сбрую одной рукой, так как в другой держал фонарь. Направляясь за второй лошадью, он заметил неподвижные фигуры путешественников, совсем побелевшие от снега, и сказал:

– Что же вы не сядете в дилижанс? Там хоть от снега укроетесь.

Они, вероятно, не подумали об этом и теперь все сразу устремились к дилижансу. Трое мужчин разместили своих жен в глубине экипажа и влезли сами; потом на оставшихся местах молча расположились прочие смутные, расплывчатые фигуры.

На полу дилижанса была настлана солома, в которой тонули ноги. Дамы, сидевшие в глубине кареты, захватили с собой медные грелки с химическим углем; теперь они разожгли эти приборы и некоторое время шепотом перечисляли друг другу их достоинства, повторяя все то, что каждой из них было давно известно.

Наконец, когда дилижанс был запряжен ввиду трудности дороги шестеркой лошадей вместо обычных четырех, чей-то голос снаружи спросил:

– Все на местах?

Голос изнутри ответил:

– Все.

Тогда тронулись в путь.

Дилижанс тащился медленно-медленно, почти шагом. Колеса вязли в снегу; кузов стонал и глухо потрескивал; лошади скользили, храпели, от них валил пар; длинный кнут возницы без устали хлопал, летал во все стороны, свиваясь и разворачиваясь, как змейка, и вдруг стегал по какому-нибудь выпрыгнувшему крупу, который после этого напрягался в новом усилии.

Постепенно рассветало. Легкие снежинки – те, что один из пассажиров, чистокровный руанец, сравнил с дождем хлопка, – перестали сыпаться на землю. Мутный свет просочился сквозь большие, темные и грузные тучи, которые резко оттеняли ослепительную белизну полей, где виднелись то ряд высоких деревьев, подернутых инеем, то хибарка под снежной шапкой.

При свете этой унылой зари пассажиры стали с любопытством приглядываться к соседям.

В глубине кареты, на лучших местах, друг против друга дремали супруги Луазо, оптовые виноторговцы с улицы Гран-Пон.

Луазо, бывший приказчик, купил предприятие у своего обанкротившегося хозяина и нажил большое состояние. Он по самой низкой цене продавал мелким провинциальным торговцам самое дрянное вино и слыл среди друзей и знакомых за отъявленного плута, за настоящего нормандца – хитрого и жизнерадостного.

Репутация мошенника настолько упрочилась за ним, что как-то на вечере в префектуре г-н Турнель, сочинитель басен и куплетов, остряк и задира, местная знаменитость, предложил дремавшим от скуки дамам сыграть в игру «птичка летает»; шутка облетела гостиную префекта, отсюда проникла в гостиные горожан, и целый месяц вся округа покатывалась от хохота.¹

Помимо этого, Луазо славился всевозможными забавными выходками, а также остроумиями, то удачными, то плоскими, и всякий, заговорив о нем, неизменно прибавлял:

– Что ни говори, Луазо прямо-таки неподражаем!

Он был невысокого роста и, казалось, состоял из одного шарообразного живота, над которым красовалась румяная физиономия, обрамленная седеющими бачками.

Его жена, рослая, дородная, решительная женщина, отличавшаяся резким голосом и крутым нравом, была воплощением отчетности и порядка в их торговом доме, тогда как сам Луазо оживлял его своею жизнерадостной суетней.

Возле них с явным сознанием своего достоинства и высокого положения восседал г-н Карре-Ламадон, фабрикант, особа значительная в хлопчатобумажной промышленности, владелец трех бумагопрядилен, офицер Почетного легиона и член генерального совета. Во время Империи он возглавлял благонамеренную оппозицию с единственной целью получить впоследствии побольше за присоединение к тому строю, с которым он боролся, по его выражению, оружием учтивости. Г-жа Карре-Ламадон, будучи гораздо моложе своего супруга, служила утешением для назначенных в руанский гарнизон офицеров из хороших семей.

¹ По-французски l'oiseau vole (птичка летает) звучит так же, как Loiseau vole (Луазо ворует). – *Примеч. пер.*

Она сидела напротив мужа, миниатюрная, хорошенькая, закутанная в меха, и уныло разглядывала убогую внутренность дилижанса.

Соседи ее, граф Юбер де Бревиль с супругой, носили одно из самых старинных и знатных нормандских имен. Граф, пожилой дворянин с величественной осанкой, старался ухищрениями костюма подчеркнуть свое природное сходство с королем Генрихом IV, от которого, согласно лестному фамильному преданию, забеременела некая дама де Бревиль, а муж ее по сему поводу получил графский титул и губернаторство.

Граф Юбер, коллега г-на Карре-Ламадона по генеральному совету, представлял орлеанскую партию департамента. История его женитьбы на дочери мелкого нантского судовладельца навсегда осталась загадкой. Но так как графиня обладала величественными манерами, принимала лучше всех и даже слыла за бывшую любовницу одного из сыновей Луи-Филиппа, вся знать ухаживала за нею, и ее салон считался первым в департаменте, единственным, где еще сохранилась старинная любезность и попасть в который было нелегко.

Имущество Бревилей, почти целиком состоявшее из недвижимости, приносило, по слухам, пятьсот тысяч ливров годового дохода.

Эти шесть персон занимали глубину кареты и олицетворяли обеспеченный, уверенный в себе и могущественный слой общества, слой людей порядочных, влиятельных, верных религии, с твердыми устоями.

По странной случайности, все женщины разместились на одной скамье, и рядом с графиней сидели две монахини, перебиравшие длинные четки и шептавшие «Pater» и «Ave». Одна из них была пожилая, с изрытым оспою лицом, словно в нее некогда в упор выстрелили дробью. У другой, тщедушной, было красивое и болезненное лицо и чахоточная грудь, которую терзала та всепоглощающая вера, что создает мучениц и фанатиков.²

Всеобщее внимание привлекали мужчина и женщина, сидевшие против монахинь.

Мужчина был хорошо известный Корнюде, демократ, пугало всех почтенных людей. Уже добрых двадцать лет окунал он свою длинную рыжую бороду в пивные кружки всех демократических кафе. Он прокутил со своими братьями и друзьями довольно крупное состояние, унаследованное от отца, бывшего кондитера, и с нетерпением ждал установления республики, чтобы получить наконец место, заслуженное столькими революционными возлияниями. Четвертого сентября, быть может, в результате чьей-нибудь шутки, он счел себя назначенным на должность префекта; но когда он вздумал приступить к исполнению своих обязанностей, писаря, ставшие единственными хозяевами префектуры, отказались его признать, и ему пришлось ретироваться. Будучи, в общем, добрым малым, безобидным и услужливым, он с необычайным рвением принялся за организацию обороны. Под его руководством в полях вырыли волчьи ямы, в соседних лесах вырубали молодые деревья и все дороги усеяли западнями; удовлетворенный принятыми мерами, он с приближением врага поспешно отступил к городу. Теперь он полагал, что гораздо больше пользы принесет в Гавре, где также придется рыть траншеи.

Женщина – из числа так называемых особ легкого поведения – славилась своею преждевременной полнотой, которая стяжала ей прозвище Пышки. Маленькая, вся кругленькая, заплывшая жирком, с пухлыми пальчиками, перетянутыми в суставах наподобие связки коротеньких сосисок, с лоснящейся, натянутой кожей, с необъятной грудью, выдававшейся под платьем, она была еще аппетитна, и за нею увивалось немало мужчин: до такой степени радовала глаз ее свежесть. Лицо ее напоминало румяное яблоко, готовый распуститься бутон пиона, на нем выделялись великолепные черные глаза, осененные длинными густыми ресницами, а потому казавшиеся еще темнее, и прелестный маленький влажный рот с мелкими блестящими зубками, так и созданный для поцелуя.

² «Отче наш» и «Богородица» (лат.).

По слухам, она отличалась и многими другими неоценимыми достоинствами.

Как только ее узнали, между порядочными женщинами началось шушуканье; слова «девка», «какой срам!» были произнесены столь внятным шепотом, что Пышка подняла голову. Она окинула спутников таким вызывающим, дерзким взглядом, что сразу наступила мертвая тишина и все потупились, исключая Луазо, который игриво посматривал на нее.

Скоро, однако, разговор между тремя дамами возобновился; присутствие такого сорта девицы неожиданно сблизило, почти сдружило их. Добродетельные жены почувствовали необходимость объединиться перед лицом этой бесстыжей, продажной твари: ведь любовь законная всегда относится свысока к своей свободной сестре.

Трое мужчин, которых в присутствии Корнюде тоже сблизил инстинкт консерваторов, говорили о деньгах, и в тоне их чувствовалось презрение к беднякам. Граф Юбер рассказывал об уроне, причиненном ему пруссаками, о больших убытках, связанных с покражей скота и гибелью урожая, но в словах его сквозила уверенность вельможи и миллионера, которого такой ущерб мог стеснить самое большее на год. Г-н Карре-Ламадон, весьма осведомленный о положении дел в хлопчатобумажной промышленности, заблаговременно позаботился перевести в Англию шестьсот тысяч франков – запасной капиталец, прибереженный им на черный день. Что касается Луазо, то он ухитрился запродать французскому интендантству весь запас дешевых вин, хранившийся в его подвалах, так что государство было должно ему огромную сумму, которую он и надеялся получить в Гавре.

И они, все трое, обменивались беглыми дружелюбными взглядами. Несмотря на разницу в общественном положении, они чувствовали себя собратями по богатству, членами великой франкмасонской ложи, объединяющей всех собственников, всех, у кого в кармане звенит золото.

Дилижанс двигался так медленно, что к десяти часам утра не проехали и четырех лье. Три раза мужчинам приходилось на подъемах вылезать и идти в гору пешком. Пассажиры начали волноваться, так как завтракать предполагалось в Тоте, а теперь уже не было надежды добраться туда раньше ночи. Каждый выглядывал в окно, надеясь увидеть какой-нибудь придорожный трактирчик, как вдруг карета застряла в сугробе, и потребовалось целых два часа, чтобы вытащить ее оттуда.

Голод усиливался, мутил рассудок, а на пути, как назло, не попадалось ни единой харчевни, ни единого кабака, потому что приближение пруссаков и отход голодных французских войск нагнали страх на владельцев всех торговых заведений.

Мужчины бегали за съестным на фермы, встречавшиеся по дороге, но не могли купить там даже хлеба, так как недоверчивые крестьяне попрятали свои припасы из страха перед голодными солдатами, грабившими все, что попадалось им на глаза.

Около часу пополудни Луазо заявил, что чувствует в желудке положительно невыносимую пустоту. Все давно уже страдали не меньше его; жестокий, все возраставший голод отбил всякую охоту к разговорам.

Время от времени кто-нибудь из пассажиров начинал зевать; его примеру сразу же следовал другой, и соответственно своему характеру, воспитанию, общественному положению каждый – кто с шумом, кто беззвучно – открывал рот, быстро заслоняя рукою зияющее отверстие, из которого валил пар.

Пышка несколько раз наклонялась, словно отыскивая что-то у себя под юбками. Но, пробыв мгновение в нерешительности, она взглядывала на соседей и снова спокойно выпрямлялась. У всех были бледные, напряженные лица; Луазо заявил, что готов уплатить за маленький окорочок тысячу франков. Его жена сделала протестующий жест, но потом успокоилась. Разговоры о выброшенных зря деньгах всегда причиняли ей истинное страдание, она даже не понимала шуток на этот счет.

– В самом деле, мне что-то не по себе, – молвил граф. – Как это я не позаботился о провизии?

Каждый мысленно упрекал себя в том же.

Однако у Корнюде оказалась целая фляжка рома: он предложил его желающим; все холодно отказались. Только Луазо согласился отхлебнуть глоток и, возвращая фляжку, поблагодарил.

– А ведь недурно! Греет и голод заглушает.

Алкоголь привел его в хорошее настроение, и он предложил поступить, как на корабле, о котором поется в песенке: съесть самого жирного из путешественников. Благовоспитанные особы были шокированы этим косвенным намеком на Пышку. На шутку г-на Луазо не отозвались; один Корнюде улыбнулся. Монахини перестали бормотать молитвы и, запрятав руки в широкие рукава, сидели не двигаясь, упорно не подымая глаз, и, несомненно, принимали как испытание муку, ниспосланную им небесами.

Наконец часа в три, когда кругом расстилалась бесконечная равнина без единой деревушки, Пышка проворно нагнулась и вытащила из-под скамьи большую корзину, прикрытую белой салфеткой.

Сначала она вынула оттуда фаянсовую тарелочку и серебряный стаканчик, потом емистую миску, где застыли в желе два цыпленка, разрезанных на куски; в корзине виднелись еще другие вкусные вещи, завернутые в бумагу: пироги, фрукты, сласти и прочая снедь, заготовленная с таким расчетом, чтобы питаться дня три, не притрагиваясь к трактирной еде. Между свертками с провизией выглядывали четыре бутылочных горлышка. Пышка взяла крылышко цыпленка и деликатно принялась его есть, закусывая хлебом, носящим в Нормандии название «режанс».

Все взоры устремились к ней. Вскоре в карете распространился аппетитный запах, от которого расширялись ноздри, во рту появлялась обильная слюна и мучительно сводило челюсти. Презрение дам к «этой девке» переходило в ярость, в дикое желание убить ее или вышвырнуть вон из дилижанса в снег вместе с ее стаканчиком, корзинкой и провизией.

Но Луазо пожирал глазами миску с цыпятами. Он проговорил:

– Вот это умно! Мадам предусмотрительнее нас. Есть люди, которые всегда обо всем позаботятся.

Пышка взглянула на него:

– Не угодно ли, сударь? Ведь нелегко поститься с самого утра.

Луазо поклонился.

– Да... по совести говоря, не откажусь. На войне как на войне, не так ли, мадам? – И, окинув спутников взглядом, добавил: – В подобные минуты так отрадно встретиться с предупредительной особой.

Он разложил на коленях газету, чтобы не запачкать брюк; перочинным ножом, всегда находившимся в его кармане, он подцепил куриную ножку, подернутую желе, и, отрывая зубами куски, принялся жевать с таким нескрываемым удовольствием, что по всей карете пронесся тоскливый вздох.

Тогда Пышка смиренным и кротким голосом предложила монахиням разделить с нею трапезу. Обе они немедленно согласились, пробормотав слова благодарности, и, не поднимая глаз, принялись торопливо есть. Корнюде тоже не отверг угощения соседки и вместе с монахинями устроил из газет, развернутых на коленях, нечто вроде стола.

Рты беспрестанно открывались и закрывались, неистово жевали, уплетали, поглощали. Луазо в своем уголке трудился вовсю и шепотом уговаривал жену последовать его примеру. Она долго противилась, но потом, ощутив спазмы в желудке, сдалась. Тогда муж в изысканных выражениях спросил у «очаровательной спутницы», не позволит ли она предложить кусочек г-же Луазо. Пышка ответила:

– Разумеется, сударь. – И, любезно улыбаясь, протянула миску.

Когда откупорили первую бутылку бордоского, произошло некоторое замешательство: имелся всего лишь один стаканчик. Его стали передавать друг другу, предварительно вытирая. Один только Корнюде, как галантный кавалер, прикоснулся губами к тому краю, который был еще влажным от губ соседки.

Сидя среди людей, жадно поглощающих еду, и задыхаясь от ее запаха, граф и графиня де Бревиль, как и супруги Карре-Ламадон, испытывали ту ужасную пытку, которая получила название «танталовых мук». Вдруг молодая жена фабриканта испустила столь глубокий вздох, что все обернулись; она побелела, как лежавший в полях снег, глаза ее закрылись, голова откинулась: она потеряла сознание. Муж страшно перепугался и стал умолять окружающих о помощи. Все растерялись, но старшая монахиня, поддерживая голову больной, поднесла к ее губам стаканчик Пышки и принудила проглотить несколько капель вина. Хорошенькая дама пошевелилась, открыла глаза, улыбнулась и умирающим голосом проговорила, что теперь ей совсем хорошо. Но, чтобы обморок больше не повторился, монахиня заставила ее выпить целый стаканчик бордо, прибавив:

– Это не иначе, как от голоду.

Тогда Пышка, краснея и конфузясь, залепетала, обращаясь к четверем все еще постившимся спутникам:

– Господи, да я ведь просто не смела предложить... Пожалуйста, прошу вас.

Она умолкла, боясь услышать оскорбительный отказ.

Луазо взял слово:

– Э, право же, в таких случаях все люди – братья и должны помогать друг другу. Да ну же, сударыни, без церемоний, соглашайтесь, черт возьми! Нам, может быть, и на ночь не удастся найти пристанища. При такой езде хорошо, если мы доберемся до Тота завтра к полудню.

Но колебания продолжались, никто не решался взять на себя ответственность за согласие.

Наконец граф разрешил вопрос. Он повернулся к смущенной толстухе и величаво сказал:

– Мы с благодарностью принимаем ваше предложение, мадам.

Труден был лишь первый шаг. Но когда Рубикон перешли, все перестали стесняться. Корзина была опустошена. В ней находились, помимо прочего, паштет из печени, паштет из жареных корнелов, кусок копченого языка, крассанские груши, понлевекский сыр, печенье и целая банка маринованных корнишонов и луку: Пышка, как большинство женщин, обожала все острое.

Нельзя было есть припасы этой девушки и не говорить с нею. Поэтому завязалась беседа, сначала несколько сдержанная, потом все более непринужденная, так как Пышка держала себя превосходно. Графиня де Бревиль и г-жа Карре-Ламадон, обладавшие большим светским тактом, проявили утонченную любезность. В особенности графиня выказывала приветливую снисходительность как аристократка, которую не может запачкать общение с кем бы то ни было; она вела себя очаровательно. Но толстая г-жа Луазо, наделенная душою жандарма, оставалась неприступной; она говорила мало, зато много ела.

Разговор шел, разумеется, о войне. Рассказывали о жестокостях пруссаков, о храбрости французов: эти люди, спасавшиеся от врага бегством, отдавали должное мужеству солдат. Вскоре заговорили о личных обстоятельствах, и Пышка с неподдельным волнением, с той пылкостью, какую проявляют иногда публичные женщины, говоря о своих переживаниях, рассказала, почему она уехала из Руана.

– Сначала я думала остаться, – начала она. – У меня был полон дом припасов, и я предпочла бы кормить несколько солдат, чем уезжать неведомо куда. Но когда я их, пруссаков этих, увидела, то уже не могла совладать с собою. Все во мне так и переворачивалось от злости, я проплакала целый день со стыда. Ох, будь я мужчиной, уж я бы им показала! Я смотрела на них из окошка, на этих жирных борозов в остроконечных касках, а служанка держала меня

за руки, чтобы я не побросала им на голову всю свою мебель. Потом они явились ко мне на постой, и я первого же схватила за горло. Задушить немца не труднее, чем кого другого! Я бы его и прикончила, да только меня оттащили за волосы. После этого мне пришлось скрываться. А как только подвернулся случай, я уехала – и вот я среди вас.

Ее стали усиленно расхваливать. Она выросла в глазах своих спутников, далеко не проявивших такой отваги, и Корнюде, слушая ее, улыбался с апостольской благосклонностью и одобрением; так священник слушает набожного человека, воздающего хвалу Богу, ибо длиннобородые демократы стали такими же монополистами в делах патриотизма, как люди, носящие сутану, в вопросах веры. Он тоже заговорил, заговорил поучительным тоном, с пафосом, почерпнутым из прокламаций, которые ежедневно расклеивались на стенах, и закончил красноречивой тирадой, безапелляционно расправившись с «подлецом Баденге³».

Но Пышка тотчас же возмутилась, потому что была бонапартисткой. Она побагровела, как вишня, и, заикаясь от негодования, выпалила:

– Хотела бы я видеть вашего брата на его месте. Хороши бы вы все были, нечего сказать! Ведь вы-то его и предали. Если бы страной управляли озорники вроде вас, только и оставалось бы, что бежать из Франции куда глаза глядят!

Корнюде сохранял невозмутимость, улыбался презрительно и свысока, но чувствовалось, что сейчас дело дойдет до перебранки; вмешался граф и не без труда уgomонил расхваливавшуюся девицу, властно заявив, что всякое искреннее убеждение следует уважать. Между тем графиня и жена фабриканта, питавшие, как и все добропорядочные люди, бессознательную ненависть к республике и свойственное всем женщинам инстинктивное пристрастие к мишурным и деспотическим правительствам, почувствовали невольную симпатию к этой девке, которая держалась с таким достоинством и выражала чувства, столь схожие с их собственными.

Корзина опустела. Вдесятером ее очистили без труда и только пожалели, что она такая маленькая. Разговор тянулся еще некоторое время, хотя стал менее оживленным после того, как покончили с едой.

³ Насмешливое прозвище Наполеона III. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.